

НИК ПЕРУМОВ

ОХОТНИКИ ПРОРОЧЕСТВА РАЗРУШЕНИЯ

Сказки Упорядоченного

Миры Упорядоченного

Ник Перумов

**Охотники. Пророчества
Разрушения**

«Феникс»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Перумов Н.

Охотники. Пророчества Разрушения / Н. Перумов — «Феникс»,
2017 — (Миры Упорядоченного)

ISBN 978-5-222-37425-2

В мире на обломках какой-то древней империи, о которой все давно позабыли, царит извечный раздор войны между людьми и вампирами. Маги и охотники сражаются с жестокими кровососами не на жизнь, а на смерть. Слишком много льётся крови... Поэтому решение магов Капитула и властителей Ночного народа о перемирии воспринимается как начало хаоса. Охотник на вампиров, чародейка из академии Конгрегации, учёный-целитель и маг-отшельник – каждый из них ведёт свою собственную войну с чудовищами. Какова же их роль в запутанной игре? Какие цели преследуют те, кто её затеял?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-222-37425-2

© Перумов Н., 2017
© Феникс, 2017

Содержание

Пролог I	5
Пролог II	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Ник Перумов

Охотники. Пророчества Разрушения

Пролог I

Крылья чернее неба

(Сто тридцать пять лет до начала событий книги)

Ночь выдалась сырая и мглистая, от глубоких оврагов к деревне ползли длинные серые языки тумана, и казалось, что неведомые твари, спрятавшиеся в них, вот-вот слизнут жалкие избёнки, крытые гнилой соломой.

И от этих избёнок к затканной серой завесой чаще тянулась сейчас цепочка факелов. Прочь от околицы, амбаров и риг, от выпасов – к холму на самом краю леса, где вздымались, едва видимые во мраке, семь каменных столпов-монолитов, поставленные здесь во времена столь давние, что даже учёные-книжники, случись они здесь и услышь вопрос о возрасте капища, только развели бы руками.

Однако именно к этому холму и направлялась процессия.

И была она на удивление многочисленной для этого времени суток.

Места здесь, на границе Пустолесья, никогда не отличались миром и покоем. Шарили разбойные банды, бродили по чащам чудища, которым всё равно, лопать ли скотину или её хозяев. И чтобы хлопы вот так вот сами полезли ночью куда-то в темень? Что с ними случилось, с чего вдруг такое бесстрашие?

Впереди всех шестеро здоровенных мужиков в домотканых портках и рубахах, деловито сопя, тащили на плечах нечто, замотанное в серую же холстину, обвязанное поверх чем попало под руку – ремнями, верёвками, даже рыбацкой сетью – и отчаянно брыкающееся.

– Тише, ведьма! – Один из тащивших сунул пудовым кулаком куда пришлось. Из кокона раздался вскрик и сразу же – яростное шипение.

– Ничо, Радован, – пробасил другой носильщик. – Малёха совсем. А там к столбу, и... чуть пятки-то задымятся, враз узнает, как колдовать!

– Я не колдовала! – раздалось из глубины свёртка. – Дядя Михась! Ну дядька Михась! Ты ж меня знаешь!

– Тоже мне, племяшка выискалась, – поспешно зачистил плечистый мужик, заговоривший с Радованом. – Ты в родню мне не лезь, отродье колдовское!.. Корову сгубила, ведьма проклятушая! Свинью супоросую извела!

– Минька малого лютой смерти предала... – вступил ещё один.

– Тащите, тащите, неча базлать здесь. Когда на костёр поставим, тогда и станем ведьме вины её перечислять.

– Именно! – вступил в разговор некто высокий и тощий, в длинном коричневом балахоне то ли местного жреца, то ли странствующего проповедника. – Зачтём ведьме преступления ея! Пусть в купели огненной, на смертном краю, покается! Пусть...

– Прости, благочинный, – перебил жреца Радован. – Пришли мы, однако.

– Гм. Верно, да, пришли, сыне. Хорошее место, чистое, намоленное. Кумиров вы в порядке содержали, молодцы, чада мои, хвалю. Мало где Богам Древним поклоняются сейчас должным образом, как у вас, – оттого и бедствия у них у всех, отступников! А ведьму – давайте её сюда, на хворост! Да привязывайте к столбу, за локти, вот так!

Монолиты украшали грубо вырезанные прямо на камне узкоглазые лики. Все – с разинутыми ртами, полными громадных зубов. Вид у этих существ никак не располагал к поклонению.

В самой середине этого круга возвышался столб, в отличие от остальных – гладкий и не серый, а какой-то словно бы закопчённый. У его подножия свалена была огромная куча дров, со всех сторон обложенная вязанками хвороста.

Именно к этому столбу шестеро носильщиков и принялись прикручивать свою хрипящую, шипящую, словно дикая кошка, ношу.

– Торопитесь, чада! Ибо ведьмы хорошо горят именно в ночную пору, отгоняя духов злых и всех существ вредоносных!

Тем временем к Семи Камням подтянулась и остальная процессия с факелами – мужчины и женщины, старики и старухи, наверное, всё население деревни.

– Готовы ли вы, чада мои? – сладким голосом осведомился жрец.

– Готовы, – многоголосым гулом ответило ему собрание.

– Снимите тогда мешок с нея! А теперь слушай, ведьма, перечень злодейств своих! – возвышая голос, с неожиданными визгливыми нотками объявил жрец. – Ибо ты есть сосуд мерзостей иночеловеческих, сосуд ме...

Он хотел сказать что-то ещё, но в этот миг над головами толпы что-то прошелестело. Сверху словно обрушилась незримая ледяная волна, холодное дыхание зимы.

– А-а-а-а! Летит, летит! – заверещала какая-то молодка.

– Кто летит? Куда летит? – аж подскочил жрец. Споткнулся на ровном месте, взмахнул нелепо руками и выпустил факел.

Огонь потёк по хворосту, весело затрещал, устремляясь вверх, к забившейся в путах девушке.

Резкий свист крыльев. Ледяной ветер сделался режущим, люди попятились – а прямо на куче пылающего с одной стороны хвороста появилась высокая тёмная фигура, завернувшаяся в плащ, так напоминавший крылья летучей мыши.

– В чём дело, мои добрые пахари? Mes bons agriculteurs? Ce qui se passe ici? Что здесь происходит? – спросил прилетевший. Бледное лицо и ослепительно-белые зубы, белее снега. – Кого это вы тут собрались жечь на ночь глядя? Постойте, постойте, дайте самому догадаться – la sorcière? Ведьма? Которая, конечно же, колдовством своим портила посевы, вызывала падёж скота, выкидыши у беременных, может, даже смерти совершенно здоровых на первый взгляд детишек?

Наверное, он продолжал бы свою тираду и дальше, этот неожиданный, с небес свалившийся гость, но жрец, казалось бы, застывший с разинутым ртом и выпученными глазами, вдруг заголосил: «Сгинь! Сгинь, пропади, отродье тьмы!» – и взмахнул рукой.

То ли он что-то швырнул в костёр, то ли и впрямь обладал какой-то силой, но пламя взвилось, заревело, хворост и дрова вспыхнули мгновенно.

Связанная девушка закричала, надсаживаясь, дико.

Существо рядом с ней злобно ощерилось, зашипело.

Взмах тёмного плаща – и ремни лопнули, приговорённая ведьма кулём повалилась на руки своего спасителя.

Одним прыжком тот соскочил с груды пылающих дров, его тлеющие во многих местах одежды дымились, в тёмном разрубе рта отчётливо виднелись длинные заострённые клыки.

– Вомпер! – заорал кто-то из мужиков поотважнее.

Наверное, селянам следовало бы в ужасе броситься наутёк при виде такого страха; но в Пустолесье жил тогда народ крепкий и кряжистый, хоть и бедный, и пригнетённый трудами. Многие явились на судилище не только с факелами, а и с топорами, и с заострёнными кольями,

и с вилами, и с цепями, и со всяким подобным оружием, над которым смеяться может лишь тот, кому никогда не пришлось побывать под его ударами.

Несмотря на визги и крики, перед вампиром и повисшей на нём полубесчувственной жертвой в единый миг поднялась сплошная стена – дрекольё, вилы, косы, зверовые копыя-рогаины. Мужики попятились, но не побежали.

– Дружно, все! – гаркнул тот самый дядька Михась. – Со всех сторон вомпера жми!

Вампир быстро оглянулся – так быстро, что едва ли кто разглядел его движение. Почему-то он не мог перекинуться обратно в нетопыря, так и стоял, одной рукой поддерживая едва живую девушку-ведьму. Он снова зашипел, зафыркал разъярённым котом, выставил правую руку, на которой вдруг блеснули внушительные когти.

Однако мрачные, решительные, не шибко-то боящиеся «вомпера» мужики напирали, и острия их кольев с вилами угрожающе покачивались уже в каких-то шести-семи футах.

Вампир сорвался с места, крест-накрест взмахивая свободной правой рукой. Когти врезались в толстенный кол, прошли сквозь него, оставив ровный срез, но острота их сыграла с вампиром злую шутку – он не отбил крестьянское оружие в сторону, он даже не сделал его более тупым, как раз напротив.

Кол ударил ему в плечо, отбросил назад, и вампиру пришлось изворачиваться всем телом, проскальзывая под прыгнувшими ему в спину вилами. Толпа почти сомкнулась над ним; вновь мелькнули когти, закричал кто-то, оказавшийся слишком близко, и в этот миг на голову упыря со всей силой опустился увесистый цеп.

Тёмная кровь полилась потоком, но вампир словно только этого и ждал. Правая рука ухватилась за цеп, рванула на себя дерзкого бойца, и тот с огромной силой влетел грудью вперёд прямо в острия вил и рогатин. Вампир рванулся следом.

Мгновенное замешательство мужиков стоило им ещё двоих – когти вскрыли шею одному, снесли половину лица другому. Отбросив третьего, оттолкнув четвёртого, вампир расчистил себе дорогу и, перекинув ведьму через плечо, скачками бросился прочь, к тёмному, затканному туманами лесу.

За его спиной страшно кричали раненые, голосила толпа. Просвистело брошенное копье, вонзилось в спину, – как только девушку не задело – упырь зарычал, захрипел от боли, дёрнулся, сводя лопатки чуть ли не вместе. Древко вывалилось, из раны волной выплеснулась кровь, тёмная, дымящаяся, словно земляное масло.

Он врезался в заросли, и там его преследовать уже не стали.

* * *

– Спасибо тебе! – Девушка была хороша. Как и положено, рыжая с зелёными глазами – таких в деревнях вечно подозревают в колдовстве, особенно ревнивые жёны, замечая взгляды своих мужиков, устремлённые на «рыжую-бесстыжую».

– Ne remerciez pas. Не стоит благодарности. – Вампир сидел, привалившись спиной к могучей ели. Щегольские плащ и фиолетовый камзол под ним были залиты кровью, но сами раны уже закрылись. – Я не люблю, когда казнят невинных. И тем более, когда невинных сжигают. Предубеждения, страхи, поверья... – Он поморщился.

– Тебе больно? Но... я думала... что вампиры так сильны, что...

– Ты много о нас знаешь, – попытался он улыбнуться, – для деревенской девушки...

Она пожалала плечами, зябко обхватила их руками.

– Я не просто деревенская девушка.

– Voici comment?¹ – поднял он бровь.

¹ Voici comment? – Вот как? (фр.)

– Exactement!² Что у меня общего с этими смердами? – Глаза её сузились. – Я умею читать и писать. Единственная, кроме благочинного, но он у нас не живёт, а так, наездами. И, вдобавок, хоть и немного, но понимаю твой родной язык.

Вампир покачал головой, по-прежнему держась за пострадавшее плечо.

– Это не «мой родной язык», скорее уж *lingua franca* среди нас, вампиров... Но откуда ж ты тут такая взялась, рыжее и зеленоглазое чудо, что умеет читать и писать? И даже «немного понимает» наш язык?

– Ниоткуда, – зло ответила девушка. – Спроси лучше, откуда взялись книги.

– Спрашиваю. Откуда же взялись книги?

– Веришь ли, нет, но ехал через наши места то ли купец, то ли книжник, то ли по книжкам купец... ехал, да только так у нас и остался. Занемог. Болел-болел и... помер, значит. Чем богат был – сельчане к рукам прибрали. А я, хоть и мала была, книги таскала.

Вампир покачал головой.

– Incroyable. Невероятно. Как и то, что ты совершенно меня не боишься.

– Если б ты хотел моей смерти, наверное, не стал бы спасать?

– Логично. – Он попытался улыбнуться и вновь поморщился. – Проклятье... не ожидал.

– Это столбы, – вдруг сказала рыжая. – Вернее, столпы, Столпы Древних Богов. Место силы. Вот потому-то тебе и плохо. Как тебя прозывают, кстати?

– Ле Вефревель. Гийом ле Вефревель, *à votre service*³.

– Красиво, – позавидовала она. – Красиво тебя звать.

– Старое имя. Из Запроливья. Это где...

– Где Империя Креста.

– Всё-то ты знаешь, – усмехнулся он и вновь скривился от боли.

– А я Венка. Вообще-то Венкевильяна, но можно просто Венка. Или Вилья. Давай на рану твою посмотрю.

– Да нет там... никакой раны уже, – хмыкнул вампир. – Затянуло всё. Под... кожей, внутри повреждения.

– Тот случай, когда *capacité de régénération*, то есть регенеративные способности, могут сослужить скверную службу.

Ле Вефревель вытаращил глаза.

– Ты меня удивляешь, милсдарыня Венка или Вилья. И ты всё это узнала из тех книг?

Венка кивнула.

– Ага. Книг было много. Продать их никому не могли, никто на них не позарился. Я сперва с ними играла. Тётка радовалась, что я никому не мешаю и за мной не надо следить.

– И ты сама выучилась читать?

– Да. Там нашлась азбука. И самые разные книги. Вплоть до трудов по истории, алхимии, магии...

– Да, – помолчав, сказал вампир. – Всё это, конечно, совершенно невероятно, но... Сама освоила абзуку... Мне, похоже, очень повезло. *Chanceux!* Встретить такую, как ты, в Пустоле-сье! Вырвать в последний миг из костра!

– Не очень, – возразила она. – Тебя ранили в Круге Древних. И ты чувствуешь, что внутри у тебя многое сломано и не срастается, как обычно.

– Верно, – признался он. – Никогда бы не подумал, честное слово. Так бы я этих пейзаж разогнал во мгновение ока...

Она опустила голову, пряча улыбку.

– Что же теперь, вампир по имени Гийом ле Вефревель?

² Exactement! – Именно так! (*фр.*)

³ К вашим услугам (*фр.*).

– Здесь мы в безопасности. Подождём немного, пока я смогу лететь. Тогда я вынесу тебя в более благорасположенные к таким, как ты, места.

– Хорошо. Но я боюсь, что так просто оно не заживёт.

– Х-ха! – заносчиво бросил вампир. – Плохо ты меня знаешь, милсдарыня Венкевильяна.

* * *

– Ну, что я говорила? Совсем с тобой скверно. И с места тебе не сдвинуться.

Венка стояла, склонившись над ле Вефревелем. Вампир сидел всё так же, под той же ёлкой, но выглядел сейчас совершеннейшим трупом. Глаза его налились тёмной кровью, обернувшись настоящими провалами мрака. Ладони сделались ледяными и неожиданно тяжёлыми.

– Д-да... – вырвалось еле слышное из почерневших губ. – Д-древние... н-не... учёл... Д-даже п-простые к-колья... *Le nom du Sauveur*⁴...

Он тяжело закашлялся, по подбородку побежала тёмная струйка.

Венкевильяна покачала головой.

– И что ж мне с тобой делать? Травки бы могла собрать какие ни есть, да только чары мои на таких, как ты, не действуют.

– К-какие ч-чары?

– Такие, – досадливо бросила она. – Думаешь, меня за одни только волосы на костёр тащили? Или за то, что мужичкам не позволяла себя по сеновалам валять? Нет, вампир. Колдовала я, волшебничала – давно уже, как только наострилась. Как только поняла, что... получают у меня те заклатья.

– О-ох... н-ну... есть одно средство...

– Тебе нужна кровь, – спокойно сказала она. – Живая кровь, Гийом. Тогда выкарабкаешься. Но ты сейчас и котёнка не заломашь. Скорее уж он тебя затопчет.

– Д-да... – еле выдохнул ле Вефревель.

– Ну так чего медлишь тогда? – Она с прежним спокойствием откинула с шеи волну медно-красных волос, нагнулась. – Давай, *вампер*. Делай своё дело.

Вампир замер.

– Ты... мне... сама?... по доброй воле?

– По доброй, – сказала Венка, не меняя позы. – Ты меня спас. Долг платежом красен.

– *Merci*... С-спасибо...

– Спасибить потом станешь. Давай, не жди, а то совсем окочуришься!

Она сжалась, когда ощутила болезненный укол. И закрыла глаза.

* * *

– Не удержался я, *mademoiselle*... Вилья.

Ле Вефревель стоял над корчащимся и стонущим у его ног существом, с головы до ног перемазанным кровью.

Её, существа, собственной кровью.

– Я же должен был как-то отблагодарить. А как ещё может отблагодарить истинный вампир? Только поднять до себя, до своего уровня. Ввести в нашу расу. В нашу высшую расу.

Венкевильяна с трудом приподняла голову, взглянула на вампира мутным взглядом.

– Есть... есть хочу...

⁴ *Le nom du Sauveur* – имя Спасителя (*фр.*).

– Конечно, дорогая, – легко сказал он. – Идём, я тебе покажу – там еды видимо-невидимо. Вставай, вставай... во-от так, молодец. Обопрись о меня... умница. Ну, пошли.
И они пошли – туда, где лежала за лесом родная деревня Венкевильяны.

Пролог II

Вор у вора

(Шесть лет до начала событий книги)

Хомка Копчик угодил в облаву. А всё потому, что пожадничал, обставляя того жирного купчину в кости!.. Кости у Хомки были отменные, дорогие, начарованные. Спёр он их у одного мага, ещё мальцом, которого этот самый маг подобрал лютой зимой. Нет, не сразу, конечно, спёр, что он, понятий не знает? Уже потом, отработав!.. Маг и научил, кстати, как с ними обращаться. Он, оказывается, тоже жуликоват был, тот маг, любил порой обыграть приятеля, но особо уважал игру с подругами на раздевание. Хомка подглядывал, и ему, надо сказать, понравилось. И то и другое.

А потом сам попробовал повозиться с костями и – о чудо! – они его послушались. Нужные цифры и комбинации выбрасывались словно сами собой.

Горбатиться на мага, хотя дядька он был не злой и Хомку, в общем, не обижал, скоро надоело. Прихватив немного денег да те самые кости, парень дал дёру и с тех пор так и обретался в кабаках, корчмах и тавернах Любжева, добывая пропитание игрой. Нельзя сказать, что выбился из нищеты – нет, на пороге осьмнадцатого года не скопилось у Хомки почти ничего, и, если разобраться, был он обычным бродягой.

Но ему нравилось. Житуха вольная, никто над ним не господин! К настоящим ворам он не примкнул – боялся. Радомский жупан, Стеффен Ским, не жаловал ночную братию и даже по малой вине вздергивал на бесилку, а по совсем малой – рубил руки. Если отделаешься клеймом на лоб – считай, тебе сильно повезло. Поэтому Хомка в дела серьёзных людей не лез, ни на что сам не подписывался, и не то что «по-мокрому» не ходил, но даже и карманничества сторонился.

Ну и, конечно, наушничал кому нужно, чтоб не тягали зря, не трогали бы.

И вот надо же ему, Хомке Копчику, было так опростоволоситься!..

Случилось, что преславному владыке королю Ребежецу, хозяину уже упомянутого Любжева, а также Бржега, Саларны, Сирина и других градов Рудной державы, или Рудного королевства, приспичило сцепиться с соседним правителем, королем Войтеком; ну сцепились короли и сцепились, бывало такое сотни раз и ещё сотню будет, однако тут что-то пошло не так, и Войтек бросился за помощью к королю Фредериксу, давно имевшему зуб на Ребежеца за то, что тот в своё время отказал его дочери Гржебе. Дочь, по правде говоря, была страшна, сварлива и имела усики над верхней губой, так что Хомка своего короля где-то даже и понимал, но сейчас всё именно из-за этого и пошло наперекосяк – ну чего Ребежецу стоило тогда жениться?..

Фредерикс обид не забывал, сам был король воинственный, имел немало рыцарей, к тому же и к нему подоспела подмога из-за Пролива, из самой Империи Креста. Ратники Войтека, которым обычно попадало по первое число от Ребежецевых дружинников, воспряли духом и попёрли вперёд, в то время как лучшие хоругви Рудного королевства пришлось отправить к границе Фредерикса.

И вот тут-то и началось то самое, из-за чего наперекосяк пошла вся Хомкина житуха.

Дыру на рубежах требовалось срочно заткнуть, и король Ребежец велел оставшейся в столице Алой хоругви «собрать всех, способных носить оружие»...

Алая хоругвь ввалилась в трактир профессионально, разом и в двери, и в окна, и даже из подпола. Р-раз – повсюду вояки в красном и серебряном, острия мечей, стена сдвинутых

щитов. Хомка и глазом моргнуть не успел, как над ним навис могучий бородач с прапорцем подхорунжего у левого наплечника.

– А, бродяга, – мерзко ухмыльнулся подхорунжий, хищно шевельнув бородой, что иному гному впору. – Сгодишься! Эй, урядник! Курт! Забирай.

И означенный Курт, ещё более плечистый, чем подхорунжий, мигом накинул на руки обалдевшего Хомки петлю.

Так Хомка Копчик, не успевший даже схватить ничего своего, кроме заветных костей, оказался в рядах славной и непобедимой Алой хоругви, коей предстояло отражать натиск коварного неприятеля, покусившегося, как говорится, на священные рубежи отчизны.

Про священные рубежи Хомка Копчик отродясь ничего не слыхивал, но в Алой хоругви шутить не умели – двоих, кто попытался сбежать ещё до входа в казармы, повесили как дезертиров, быстро и безо всяких сантиментов.

Хомка впечатлился.

В самой Хоругви, однако, не дали ему ни красивой красно-серебристой формы, ни ремней, ни доспехов. Досталась ему ржавая совня, а урядник Курт, показав для верности внушительный кулак, заявил, что ежели он, Хомка, к утру не отдраит лезвие так, «шоп я смотреться мог!», пусть пеняет на себя.

Копчик просидел над совнёй всю ночь и, конечно, почти ничего не отдраил. Зато потом его знатно отдраил плетью сам урядник. Хомка орал благим матом и просил пощады, но добился лишь того, что его ещё и отпинали ногами.

Алая хоругвь выступила в поход следующим же утром. Хомке сунули в руки старый нагрудник из толстой кожи-вываренки, когда-то даже и неплохой, но сейчас изрядно запревшей. Нагрудник был велик, сидел косо, часть ремней вообще поели крысы.

И всё. Даже ножа Хомке не досталось.

Конягу дали самого что ни на есть скверного, заморённого, какого только на скотобойню. Но и то приходилось за ним всё время ухаживать, чего Хомка совершенно не умел, как, впрочем, и ездить верхом.

Первый же день перехода, несмотря на то что несчастная коняга просто шла шагом, обернулся для Хомки жуткими муками – он сбил себе задницу, а ноги болели так, что даже плётка урядника поднять его не смогла.

И в лагере отдохнуть не удавалось. Собранных силком ратников воины Алой хоругви гоняли в хвост и в гриву: рубить и колоть дрова, поддерживать огонь, заботиться о лошадях, ставить палатки, копать отхожие ямы и так далее и тому подобное, – всего не перечислишь.

Хомка не думал про «коварного врага, посягнувшего на рубежи», голова у него совсем отупела от усталости. Он ведь сколько лет уже ничего тяжелее игральных костей в руках не держал, да и ножами размахивать не приходилось – он своё место знал, куда не надо – не совался, с кем надо – делился.

Тут они и сошлись с Лёшеком, воришкой из Бржега. Ростом и статью Лёшек был невелик, а вот нахальства и нахрапа имел с преизлихом. Про войну и про бои Лёшек даже не думал, как раз наоборот.

– Слышь, Копчик, я как секу-то – рвать отсюда надо, пока в борозду не запахали, – шептал он, когда приятелям наконец-то удалось кое-как забиться в щель меж двух возов. Палаток на них не хватило.

– Ага, как отсюда сорвёшь-то, – так же шёпотом отозвался Хомка. У него болело всё, и, казалось, болел сам воздух вокруг. – Тех двоих помнишь? И Сальгу-жирного...

– Сальга дураком набитым жил, дураком и помер, – отрезал Лёшек. Поскрёб пятернёй немытую башку и сплюнул. – Нашёл когда дёру давать! Ясно, повязали его. Не, паря, драпать надо, когда мутовня пойдёт! Им не до нас тогда будет. На вот, глотни! – И Лёшек жестом фокусника извлёк на свет божий внушительную фляжку.

– Ух ты, – искренне восхитился Хомка. – Где взял?

– Там уже нет, – ухмыльнулся тот. – Держись меня, Хомка, не пропадёшь.

У Копчика на этот счёт были свои соображения, но он счёл за лучшее пока помолчать.

– Как заваруха начнётся, Хоругвь – на коней и в бой поскачет. Нас скорее всего вагенбург охранять оставят. Вот тогда и не зевай! Никто и не заметит, как улепетнём. А там... – Взгляд у Лёшека сделался мечтательным. – А там увидишь.

И они увидели.

Лёшек оказался прав. Их оставили хоть и не стеречь вагенбург, но во второй линии, просто стоять, выставив копыя, или у кого что было.

Хомка от страха едва мог ноги переставлять. В голове же крутилась одна лишь с детства затвержённая молитва святому Михасю, пророку Спасителя.

Лёшек держался рядом, шипел сквозь зубы:

– Как увидишь, что налетают, сразу падай... падай, ховайся. Всадники высоко, над нами проскачат. Они, кто бежит, тех рубят...

Саму битву, кто кого сёк мечами и протыкал копиями, Хомка не запомнил вообще. Запомнил лишь, как на их строй вдруг вынесся невесть откуда взявшийся клин рыцарей в полном вооружении с чёрными крестами на белых плащах – те самые знаменитые воители из Империи Креста, что за Проливом.

По слухам – лучшие воины на свете.

Они скакали, словно демоны ада, пригнувшись к конским гривам и наклонив длинные копыя. Было их, наверное, всего десятка три, но Хомке показалось, что на свете не осталось вообще ничего, кроме этих чёрно-белых плащей.

Строй новобранцев Алой хоругви не продержался и нескольких секунд. Кто-то за спиной Хомки истошно заверещал, уронил рунку, кинулся наутёк. За ним – ещё, ещё и ещё. Урядник, кажется, в бешенстве успел зарубить одного из бегущих, но напрасно, потому что его самого в следующий миг насквозь пропороло копьём, и окровавленный наконечник высунулся у него из груди.

Хомка выпустил из рук совню, бросился ничком на землю, сжался в комок, закрывая голову руками. Кажется, он тоненько вопил, а может, визжал. Над ним проносилась грохочущая, словно колесницы Древних Богов, конница. Где-то совсем рядом лязгало железо, ржали лошади, дико кричали умирающие, доносилось стройное, несмотря ни на что, пение рыцарей – правда, вели его всё меньше и меньше голосов.

Поле бое затихло нескоро. И так же нескоро Хомка Копчик поверил в то, что остался жив. Он так и лежал, скорчившись, закрывая голову, с валяющейся рядом совнёй, пока его не отыскал Лёшек.

– Эй, Хомка! Вставай-поднимайся! Говорил я тебе – меня держись! И слушай!

Лёшек скалился, ухмыляясь во весь щербатый рот.

Весь трясаясь, Хомка кое-как поднялся.

Смертное поле вокруг парило кровью. Над головой кружило черноптичье, и это не было похоже на обычных ворон. Стояла тишина, и Хомка вдруг подумал, что только они с Лёшеком остались живы из всей Алой хоругви.

– Не трясись, паря. Я тут помозговал, поглядел, полазил... выходит, что Хоругвь рыцарей перебила, а рыцари – Хоругвь. Нам теперь раздолье!

И раздолье на самом деле наступило.

Для начала они с Лёшеком обобрали мёртвых, кого смогли. Хомку, хоть он и бродяжил, промышляя игрой да мелким воровством уже давно, постоянно выворачивало наизнанку. Бой был жестокий, тела – страшно посечены, изуродованы, головы зачастую разможжены, мозги расплёсканы вокруг, тянулись розовато-сиреневые кишки, и всё было залито кровью.

– Перстни рыцарские не бери, – предупредил опытный Лёшек. – Опознать могут. Скупщики только как лом возьмут, на переплавку. Особенно рыцарских-орденских беги. Ни к чему они. Монеты собирай, кольца простые, которые без надписей. Оружие дорогое не бери тоже – в глаза бросается. А вот сапоги хорошие себе поищи, башмаки твои совсем худы.

Бледный пошатывающийся Хомка кивал, вытирая рот и поминутно сплёвывая.

Кое-как мало-помалу они собрали с тел добычу; Хомка невольно искал глазами урядника Курта, однако так и не нашёл.

Лёшек, хоть и вор, а позаботился о товарище, притащив тому добрую кожаную куртку, каким-то чудом оставшуюся целой, да вдобавок ещё и пришедшуюся впору, пластинчатую бригантину, шишак с кольчужным воротником.

– С-спасибо...

– Не благодари, – ухмыльнулся мародёр. – Нам с тобой, Хомка, друг друга держаться надо. Так что если у тебя рухлядь справная будет, мне спокойнее. Из самострела бить умеешь?

Хомка покачал головой.

– Ну и ладно, я умею. Совню свою брось, не ищи даже. Вот тебе оружие, по руке будет.

Добыча напоминала приснопамятную совню, только древко было куда короче, ухватистее, легче. Клинок на целую ладонь длиннее, странной голубоватой стали с непонятными рунами, хитровыгнутый и с длинным четырёхгранным шипом, каким удобно колоть, и с крюком, стащить всадника с лошади.

Досталась Хомке ещё пара кинжалов, и Лёшек, критически осмотрев подельника, остался доволен.

– На восток двинем, – облизнулся он. – К границе Войтековой. Там добычи должно быть – видимо-невидимо. Главное, на рожон не лезть, головы не терять, а уж случай представится – не упускать! Да, и варанов нам ездовых приглядеть надо хоть каких. Коней не бери, норовисты они слишком, особенно рыцарские...

* * *

Так начался их путь по разорённому Приграничью. Сперва они осторожничали, на рожон не лезли, собирая добычу всё больше по неприбранным телам – грубо говоря, занимались тем самым мародёрством, за которое во все времена и во всех королевствах вешали быстро и высоко.

А потом всё изменилось – когда в один день они повстречали Копыто.

Огромный плечистый бородач в замызганном красном кафтане сидел на обочине тракта, деловито поджаривая на огне цельную конскую ногу.

– Кого я вижу! Лёшек!

– Копыто! Старик! Сколько лет, сколько зим! – Лёшек слез с варана и шустро потопал к костру. Хомка опасно посеменил за ним.

– Жив, бродяга!..

– Жив, как видишь.

– А это с тобой кто?

– Это? Это Хомка. Вор правильный, но зелен пока ещё.

– Хомка, значит? Ну, привет, Хомка. – Копыто протянул ладонь, размером как две обычные людские, стиснул Хомкину руку с такой силой, что парнишка аж завертелся. – Не сучи ножками, не люблю. Хиловат ты, паря, для правильного вора, но, но коль Лёшек за тебя ручается... Добро пожаловать в компанию.

Хомке хотелось сказать, что это ему бы следовало звать Копыто в их компанию, но...

– Что подельываешь на большаке, Копыто?

– Держу путь к Мераку.

– А что тебе там?

Копыто впился громадными жёлтыми зубами в конское прожаренное мясо.

– Дык там того, этого, война, значит, – как-то даже застенчиво вдруг сказал он. – А где война, там и пожива нашему брату. В городе-то скверно стало, метут всех подряд, в кандалы – и в когорт... а кто упрямится, того вздёргивают, высоко и сразу. Ну и, конечно, позабавиться-то где ещё, как не возле войны? – Он ухмыльнулся, настолько гнусно и нехорошо, в маленьких его глазках появилось такое выражение, что Хомке захотелось немедленно дать дёру.

Лёшек загоготал:

– Позабавиться-полюбоваться? Знаю, знаю твои проказы, Копыто, наслышан!

– Ну-у... – Бородатый разбойник вдруг покраснел и потупился, словно девица на смотринах. – Ты, приятель, своего ведь тоже не упустишь. А я городских-то девок, что по трактирам лахудраничают, не шибко жалую. Сладко, когда она визжит, царапается да вырывается. И взаправду, а не понарошку. Ну и придушить потом – самое то.

– Да, Копыто, забавник ты преизрядный, – отсмеявшись, хлопнул того по плечу Лёшек. – Давай, вместе пойдём. Втроём веселее.

– А и пойдём! Втроём веселее, прав ты. И девок наловить поболее можно...

Хомке захотелось блевать.

«Беги, – сказал ему внутренний голос. – Деньжат каких ни есть, а подсобрал. Беги от этих двоих, не доведут они до добра!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.